

Метаморфозы «на краю света»: транзитивное общество теленгитов обособленного селения

А.С. Обухов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7215-3901>, e-mail: a.obukhov@yandex.ru

Ю.С. Овчинникова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
(ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4718-6415>, e-mail: julia.barkova@gmail.com

Н.В. Ткаченко

Московский государственный психолого-педагогический университет
(ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0315-8511>, e-mail: tkachenkonv@mgppu.ru

В статье представлен междисциплинарный анализ процессов трансформации социальной ситуации развития жителей территориально обособленного сообщества (на примере селения Язула Улаганского района Республики Алтай) через сопоставление экспедиционных материалов 2003 и 2019 годов. Исследование проведено в русле культурно-исторической психологии с опорой на методологический принцип метапозиции. Показано, как увеличение культурного разнообразия в селеении обуславливает необходимость самоопределения отдельного человека и семей на поведенческом уровне и усложняет структуру социальной идентичности, в том числе создавая проблему этнокультурного и религиозного самоопределения. Это актуализирует переживание незащищенности своей жизни и жизни локального сообщества в целом от внешнего мира и усиливает сохранность жизненно значимых обрядов и сакральных элементов этнической культуры.

Ключевые слова: транзитивное общество, обособленное селение, теленгиты, культура теленгитов, трансформация жизненного уклада, трансформация социальной идентичности.

Для цитаты: Обухов А.С., Овчинникова Ю.С., Ткаченко Н.В. Метаморфозы «на краю света»: транзитивное общество теленгитов обособленного селения // Культурно-историческая психология. 2022. Том 18. № 2. С. 90–97. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180210>

Metamorphoses “At the Ends of the Earth”: Telengit Transitive Society at Solitary Village

Alexey S. Obukhov

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7215-3901>, e-mail: a.obukhov@yandex.ru

Yulia S. Ovchinnikova

Moscow State University, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4718-6415>, e-mail: julia.barkova@gmail.com

Natalia V. Tkachenko

Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0315-8511>, e-mail: tkachenkonv@mgppu.ru

The article focuses on the interdisciplinary analysis of the transformation processes in social situation of development of local people in the territorially detached community (a case study of the Yazula village of Ulagan region of the Altai Republic) through comparison of expeditionary materials of 2003 and 2019 years. The research is conducted within the framework of cultural-historical psychology and based on the methodological principle of metaposition. The analysis demonstrates that increasing of cultural diversity dictates the need for self-determination of locals and their families on behavioral level and complicates the structure of their social identity, including a problem of ethnocultural and religious self-identification. These processes provide the experiencing of insecurity of locals in front of the “outside world” and strengthen preservation of life-important rituals and sacred elements of ethnic culture.

Keywords: transitive society, solitary village, Telengit, Telengit traditional culture, transformation of way of life, social identity transformation.

For citation: Obukhov A.S., Ovchinnikova Yu.S., Tkachenko N.V. Metamorphoses “At the Ends of the Earth”: Telengit Transitive Society at Solitary Village. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya = Cultural-Historical Psychology*, 2022. Vol. 18, no. 2, pp. 90–97. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2022180210> (In Russ.).

Введение

Мир быстро меняется. Как писал Э. Тоффлер, произошел «конец постоянства»; недолговечность, новизна и многообразие стали нормой жизни [24]. При этом ряд сообществ продолжают сохранять черты традиционной культуры, где важными ценностями остаются стабильность, межпоколенческая преемственность. В мире фактически не осталось локальных культур, которые находятся в полной автономии от общемировых процессов. В этом контексте актуализируется вопрос: как происходит трансформация социальных общностей — как целых государств, так и локальных селений? Что меняется в традиционном укладе жизни при появлении новых технологических средств (дорога, электричество, телевидение, сотовая связь, Интернет и др. [9])? Насколько модифицируется открытость/закрытость обособленных селений к внешнему миру и их вовлеченность в процессы развития культурного многообразия? В фокус исследований попадают вопросы трансформации границ локальных сообществ, внешних и внутренних культурных барьеров, усложнение системы отношений в модели «свой/чужой» при контактах с «внешним миром». Качество границы, ее открытость или закрытость к внешним изменениям обусловлены множеством факторов. Сообщества по-разному реагируют на влияние извне: принимая, отчуждая или трансформируя в нечто новое внедряющиеся элементы иной культуры. При этом их появление может нелинейно сказаться на метаморфозе локального уклада жизни, культурных традиций и социальной идентичности.

Существует немало исследований, раскрывающих проблему транзитивности общества [19; 26], специфику трансформации локальных сообществ в условиях глобализации [8], которые меняют социокультурный контекст развития личности и ее идентичности [6]. Большинство работ посвящено либо осмыслению общемировых тенденций, либо конкретным аспектам изменений, таким как демографическая ситуация [28], жизненный уклад [1], обряды [20], материальная культура [4], фольклор [18] и др. Так как различные

аспекты жизни этносов изучаются разными науками, не так много работ системно показывающих, как изменения в условиях жизни, увеличение открытости селения «внешнему миру» трансформируют систему отношений и образ мысли его жителей.

А.Р. Рэдклифф-Браун [21] отмечал: если исследователь демонстрирует варианты структурно-функциональных конструкций социальной эволюции, это большой успех для науки. Транзитивность локального сообщества модифицировала «социальную ситуацию развития» для молодого поколения, о которой Л.С. Выготский писал: «... среда для человека в конечном счете есть социальная среда, потому что там, где она выступает даже как природная, все же в ее отношении к человеку всегда имеются налицо определяющие социальные моменты. В отношении к ней человек всегда пользуется социальным опытом» [2, с. 88]. Благодаря большей открытости внешнему информационному полю изменились содержание и смысловые акценты знакового опосредования развития психики, трансформировались не только уклад жизни, но сознание и самосознание новых поколений. Как это взаимосвязано? Что поддается модификации, а что «капсулированию» и усиленной «защите» от изменений, становясь «ядрами» стабилизации при метаморфозах жизни?

В русле дискурсного подхода [5] за основу в методологии исследования взяты: идея культурно-исторической трансформации социальной ситуации развития как источника развития личности (Л.С. Выготский) [2] и теория транзитивности общества [7; 24; 26].

В исследовании мы фокусируемся на изменении социальной ситуации развития в локальном сообществе через изучение взаимосвязей изменений *уклада жизни* (на уровне обиходной культуры, обрядовой составляющей жизни и музыкальных традиций) и *системы социальных отношений* местных жителей при увеличении «открытости» внешнему миру; а также на том, как эти изменения отражаются на образе мира и образе себя в мире (на социальной идентичности). Под *жизненным укладом* мы подразумеваем внешние и внутренние факторы образа жизни в их

взаимосвязи — в логике понимания «социальной ситуации развития» (по Л.С. Выготскому) как уникального сочетания объективных социальных отношений и субъективных приоритетов в их переживании [2].

Под *метаморфозами* мы понимаем преобразование структуры отношений в сообществе, в формах и способах бытования разных аспектов культуры, а также в структуре и в содержательном наполнении социальной идентичности представителей изучаемого сообщества. Понятие «трансформация» мы рассматриваем как синоним метаморфозам.

Под *локальным сообществом* мы понимаем «определённым образом упорядоченный набор социальных связей, основанных на чем-либо общем для всех участников данных отношений; как правило, это общность идентификации» [29, с. 72–73]. Сообщество имеет четкую локацию (территориально обособленное селение с наличием устойчивых социальных отношений между всеми его жителями).

Социальная идентичность нами понимается как результат единого процесса дифференциации/идентификации личности при осознании своего членства в социальной общности «вместе с ценностным и эмоциональным значением, придаваемым этому членству» [31, р. 255]. «Социальная идентичность есть результат процесса сравнения своей группы с другими социальными общностями» [22, с. 110]. Вопрос о том, с какой группой себя идентифицирует человек и с какой сравнивает, может решаться на разном уровне социальной стратификации, в зависимости от коммуникативной ситуации. Социальную идентичность мы рассматривали с точки зрения следующих компонентов: регионально-территориального, этнического, религиозного, профессионально-деятельностного [30].

Теленгиты — это древняя субэтническая группа алтайцев, проживающих вдоль рек Чулышман и Чуя в Улаганском и Кош-Агачском районах и говорящих на диалекте алтайского языка. Существуют разные версии об их этногенезе [27]. В последних демографических исследованиях отмечается стабильность численности населения теленгитов на исторической территории их проживания [18, с. 36–43]. Ряд этнополитических процессов (в России в целом и Республике Алтай в частности) в 2000-х годах привел к смешенной идентичности теленгитов, которая выражается в различных вариациях: алтайцы (не выделение теленгитов как отдельной этничности), теленгиты (как обособление от алтайцев), алтайцы-теленгиты (как выделение локальной группы внутри алтайской этничности) [25, с. 4–45].

Программа исследования

Этапы исследования. Первый этап — экспедиция летом 2003 г. с архивом аудио- и видеозаписей, серией публикаций [12] и обобщений результатов исследований [11, с. 161–168; 14]. Второй этап — экспедиция летом 2019 г., архив с реестрами аудио- и видеозаписей. В анализе использовались также данные исследований других ученых в регионе [3].

Описание выборки. Численность населения Язулы и в 2003, и в 2019 гг. составляла около 250 человек (колебание от 240 до 260). Работа велась с большей частью семей селения, однако в 2003 г. общение происходило в основном с подростками и средним поколением (дети и пожилые люди не говорили по-русски), а в 2019 г. — со всеми поколениями, от детей до пожилых.

Методы исследования. Мы использовали включенное наблюдение; тематические интервью с аудио-, фото- и видео-фиксацией; составление реестров по записям с тегированием; качественный анализ данных по выделенным параметрам: обиходная жизнь и система социальных отношений в селении, бытование обрядов и музыкальной культуры как отображение этнической картины мира и переживания себя в мире; самосознание в аспекте социальной идентичности жителей Язулы. Программа исследования раскрыта в публикациях авторов [10; 13; 15].

Цель исследования — выявить социальные и психологические изменения в локальном сообществе как реакцию на процессы транзитивности жизненного уклада в территориально обособленном селении (на примере селения Язула Улаганского района Республики Алтай).

Процедура реализации исследования опиралась на принцип метапозиции [13], который мы рассматриваем как технологию организации полипрофессионального взаимодействия различных специалистов в общем пространстве исследования конкретного этнокультурного сообщества (на этапах планирования, сбора и анализа полевого материала). Работа в экспедиции выстраивалась от общей фиксации значимых аспектов внешних параметров социальной ситуации развития в селении к выделению исследовательских фокусировок на конкретных вопросах, репрезентирующих социальные и психологические трансформации в локальном сообществе. В 2019 г. исследование ключевых параметров выстраивалось в сопоставлении с материалами 2003 г.

Результаты исследования

За период с 2003 по 2019 г. в ситуации смены поколений нами была зафиксирована модификация культурной трансмиссии (по М. Мид) с постфигуративного типа («где дети прежде всего учатся у своих предшественников») на особое сочетание кофигуративного («где и дети, и взрослые учатся у сверстников») и префигуративного («где взрослые учатся также у своих детей») [7, с. 322]. Младшие подростки и дети, с которыми мы общались в 2003 г., стали активной частью сообщества — директором школы, завучем, учителями, главой сельской общины. Сильно изменились условия жизни, связанные с открытостью «внешнему» миру и с включенностью в новые информационные потоки. Как отмечал А.В. Толстых, говоря о смене поколений в постсоветскую эпоху, «... оценки, нормы и образцы поведения различных... когорт формируются и усваиваются теперь... в отличающихся

друг от друга социальных контекстах и средах... Различны каналы получения обобщенного опыта» [23, с. 181]. Временные рамки исследования охватывают относительно стабильный историко-социальный период в стране, при этом полученные результаты позволяют говорить о метаморфозе поколенческих трансмиссий: когда разные поколения имеют разные доминанты источников информации, неодинаковое содержание и различный формат межпоколенческой коммуникации. Результаты исследования представлены нами на уровне анализа и обобщения эмпирических данных, часть которых раскрыта в публикациях по трансформации жизненного уклада [16] и музыкальной культуры [17] в Язуле за 16 лет.

Метаморфозы жизненного уклада. Прокладывание дороги из районного центра нелинейно меняет ситуацию открытости/закрытости обособленного селения: в бытовую часть жизни привносится множество заимствований, при этом ряд сфер (обрядовая жизнь, сакральные места) становятся более оберегаемыми. Повышение доступности и вариативности связей локальной общности с «внешним» миром в одних аспектах жизни усиливает процессы трансформации через открытость к новизне, а в других — дает эффект «капсулирования» [8], усиливает скрытность значимых элементов культуры для внешних людей. Тем самым актуализируются границы между «своими» и «чужими», между «мы» и «они».

Произошедшие трансформации повлияли на увеличение мобильности и внешних контактов жителей селения, на усложнение системы социальных отношений, на изменение видов деятельности и условий жизни. В результате появления дороги семьи обзаводятся личным транспортом. Это увеличивает доступность ряда материалов, которые проще купить, чем делать самим. Меняется технология строительства аилов и обустройства хозяйства, появляются товары, замещающие ряд традиционных промыслов. Люди начинают взвешивать, что им проще — потратить время и силы или решить бытовые вопросы с помощью денег. При наличии небольших средств в виде пенсии или зарплаты чаще происходит выбор в сторону покупки необходимого. Это приводит к утере широкого спектра традиционных способов жизнеобеспечения.

При изменении обиходной части жизни (строение жилища, бытовая техника, средства передвижения и др.) идет ориентировка на современное, городское, что не всегда более функционально. В этих условиях возникает ситуация выбора (например, какой тип аила строить), который происходит не по шкале «старшие—младшие» («традиция—инновация»), а в зависимости от индивидуальных приоритетов («что мне удобнее»). Наблюдается не только замещение старых форм новыми, но и увеличение разнообразия вариантов организации жизненного пространства и хозяйствования. У жителей появляется возможность выбора и необходимость осознанного самоопределения, а не только следования традиции или моде.

Трансформация обрядов и культуры детства. Высокую стабильность обнаруживают свадебная и похоронно-поминальная обрядности. Более вари-

ативная и трансформирующаяся часть обиходной веры теленгитов связана с обрядовым сопровождением детства и процессами взросления. Так, киндык (пуповина, зашитая в специальный кожаный мешочек) из сакрального, утаенного от внешних глаз предмета, выполняющего функцию оберега, переводится в разряд секулярной, социально значимой и предъявляемой семейной картины, размещенной на стене. Эти процессы сопряжены с трансформациями представлений о мире и о себе: контроль за детьми берется в свои руки в тех сферах жизнедеятельности, которые раньше рассматривались как находящиеся «под присмотром» духов и природных сил. Это показывает изменение смысловых приоритетов этнической картины мира, проявляемой в обрядовой практике и обиходных верованиях.

Максимальную изменчивость показывает культура взрослых для детей и культура детского сообщества. Семейная культура взрослых для детей замещается на культуру заимствованную (из телевидения). Дети, общаясь друг с другом в селении, проводят меньше времени на улице, чем раньше. Культура детства транслируется в сообществе, но ее содержание пополняется новым медийным контентом. Традиционные мифологические персонажи и сюжеты смешиваются (через дополнение, вытеснение, замещение) с героями и мотивами из российских и зарубежных мультфильмов. Привнесение нового информационного контента, который ориентирован на детей в сензитивный период их языкового развития, трансформирует языковую ситуацию в селении. Это, в свою очередь, модернизирует всю социокультурную жизнь сообщества в целом, изменяет межпоколенческую коммуникацию и жизненные траектории молодого поколения.

Изменения в языковой и музыкальной культуре. Привнесение внешнего контента в селение теленгитов как моноязычную среду трансформирует ее в двуязычную и в языковом, и в культурном плане. При этом освоение русского языка в дошкольный период облегчает детям понимание тех учебных предметов, которые преподаются на русском. Это повышает уровень формального образования, расширяя социальную мобильность молодого поколения; создает возможности для построения образовательной траектории и профессиональной карьеры в городе. В целом, изменение языковой ситуации изменяет инструментарий «психических орудий», позволяющих выстраивать новые системы социальных отношений, воспринимать, понимать и использовать новые информационные ресурсы.

Музыкальный фольклор теленгитов Язулы в исследуемый период характеризуется «вероятностной» (поливекторной, нелинейно меняющейся) природой развития и расширением музыкально-культурного многообразия (зафиксировано наличие теленгитских, русских, тувинских, казахских и других этномызыкальных кодов). Каналами инокультурного влияния на интонационное поле теленгитской музыкальной традиции выступают: радио, Интернет и телевидение; сельский клуб; доступность транспорта и передвиже-

ний в город, международные Курултай сказителей. При расширении бытования в сельском клубе разных форм фольклоризма (советского, российского, алтайского) песенная фольклорная традиция теленгитов продолжает существовать исключительно в обрядовом контексте (закрыто от приезжих). Владение каем как особым типом интонирования, характерным для тюрков Горного Алтая, маркирующим их этнокультурную идентичность и востребованным со стороны туристов, региональной администрации и общественности, ведет к миграции носителей традиции из обособленных селений в центральные. Константной функцией кая остается трансляция этноспецифических духовных ценностей алтайцев [17].

В социальной идентичности мы отмечаем выраженные изменения в следующих компонентах: этнический компонент — от более выраженного к более размытому; религиозный компонент — от языческого к синкретическому; профессионально-деятельностный компонент — от охоты как значимой гендерно-иницирующей практики к потере ее инициирующей функции. Выявлена смена и конкретизация авто- (говорение о себе в категориях положительных и отрицательных черт) и гетеростереотипов (появление более выраженных негативных характеристик саратанцев и положительных характеристик тувинцев). В языковом компоненте наблюдается амбивалентность переживания: с одной стороны, понимание ресурсности владения русским языком, с другой — страх утери алтайского языка как значимого фактора этнической идентичности.

Алтайский язык играет важную роль в конструировании **этнической идентичности теленгитов**. Нами был зафиксирован динамический процесс трансформации идентичности теленгита в результате появления телевидения и Интернета. Все респонденты связывают язык с алтайской идентичностью и отмечают, что присвоение теленгитскими детьми русского языка через канал «Карусель» может представлять «угрозу для национальности» (высказывание язунки 1989 г. р.). Язык рассматривается как основной фактор, дающий теленгиту переживание связи со своим народом, утрата языка может обернуться потерей этнического Я. Данная ситуация вызывает амбивалентное отношение у среднего и старшего поколения. С одной стороны, дети оказываются более приспособленными для социальной адаптации при выезде в город; с другой стороны возникает угроза сохранности этнической идентичности. Отмечается, что все поколения язунцев стали лучше знать русский по сравнению с 2003 годом, что снижает барьеры коммуникации с приезжими.

Результаты полевой работы в 2019 г., по сравнению с данными 2003 г., обнаружили повышение уровня тревожности у местных жителей по отношению к внешнему взгляду на них и на селение в целом. Это находит выражение в напряжении при любой видео- и фотосъемке. Страх, связанный с возможностью «попадания» в Интернет, который еще не дошел в своем широком бытовании до селения, обусловлен порождением местной мифологии о нем и

его влиянии на переживания людей. Напряжение по поводу съемки подкреплено репортажем регионального телевидения с комментарием о «диких людях» и «ужасных условиях» жизни в Язуле. Стратегия «парадного портрета», наблюдаемая еще в 2003 г., усилилась в разы. Содержание и сущность «парадного портрета» у местных жителей на сегодняшний день еще не сформированы. Владение русским языком и регулярный опыт общения при выезде из селения создал большие возможности для коммуникации с «внешними» людьми. Однако это повысило тревожность местных жителей в отношении последствий такого взаимодействия, особенно на территории своего селения. Обострился вопрос о репрезентации себя, своей культуры внешнему миру. При этом не произошло повышения ценности своей «правильности», самобытности. Повседневное сопоставление себя с другими (через телевидение или коммуникацию с приезжими) не добавляет уверенности в себе, а в сознании жителей «играет не в их пользу». Наш интерес как внешних исследователей к аутентичной культуре селения вызывает к нам уважение и дает определенную открытость в коммуникации. Но страх перед тем, что зафиксированное будет «не так» воспринято и оценено внешним миром, дает мощный эффект обособления и ограничения на фиксацию (фото, видео, аудио).

Общий анализ и интерпретация результатов

Резкая смена социальной ситуации развития (Л.С. Выготский [2]) в связи с увеличением открытости локального сообщества внешнему миру и новому информационному пространству не просто трансформирует тип культурной транзитивности (по М. Мид [7]) с постфигуративного, на кофигуративный, а потом на префигуративной. Эта смена дифференцирует в одном сообществе культуру и типы культурной трансмиссии по сферам жизнедеятельности: в этноконституирующей части культуры (особенно в сакральной ее части, в значимых обрядах) усиливается постфигуративный тип трансмиссии; в обиходной части культуры, повседневном укладе жизни и в языковой коммуникации начинает доминировать префигуративный тип; в фольклоре и музыкальной культуре начинает преобладать кофигуративный. Культурная ситуация в сообществе становится пространством большего разнообразия, что вызывает разнонаправленные тенденции: в одних аспектах — открытость новизне, в других — усиление закрытости внешнему миру. Представляется, что в локальных сообществах такого типа в дальнейшем будет происходить не замещение одного типа культурной трансмиссии на другой, а увеличение разнообразия культурной трансмиссии и типов межпоколенческого взаимодействия в разных пластах жизнедеятельности; будет усиливаться значимость этнической идентичности как реакция на риски неопределенности и усиления культурного многообразия, приходящего из внешнего информационного поля.

Выводы

По результатам изучения селения Язула в условиях транзитивности социальной ситуации развития в локальном сообществе мы можем сделать следующие выводы:

1) увеличение доступности и открытости обособленного селения «внешнему миру» вызывает разнонаправленные процессы в жизни сообщества: принятие нового и увеличение культурной вариативности в укладе жизни; усиление закрытости для внешнего мира сакральной составляющей культуры, выступающей ядром этнокультурного мировоззрения;

2) появление стабильной доступности внешних информационных каналов, в том числе адресованных детям, резко изменяет языковую ситуацию с монологической на билингвальную и существенно трансформирует социальную ситуацию развития, а также содержание культуры детского сообщества, повышает социальную мобильность молодых людей;

3) переход от замкнутого существования обособленного локального сообщества к относительной

открытости «внешнему миру» усиливает оппозицию «мы—они», делает более выраженными границы между ними; актуализирует переживание репрезентации образа себя и своего селения другим людям (особенно в сети Интернет), обостряет значимость образа «парадного портрета» себя и своей жизни на фото и видео;

4) изменение культурного и информационного контекста трансформирует музыкальный репертуар местных жителей как способ переживания действительности; этнокультурное возрождение в регионе обуславливает востребованность и переезд носителей этнорепрезентативных культурных традиций из обособленных селений в центральные;

5) увеличение культурного разнообразия, особенно в обиходной жизни, создает ситуацию необходимости самоопределения отдельного человека и семей на поведенческом уровне и усложняет структуру социальной идентичности, в том числе создавая проблему этнокультурного и религиозного самоопределения; все это усиливает переживание незащищенности себя и жизни своего локального сообщества в целом для внешнего мира.

Литература

1. Байлагасов Л.В., Манышева Т.В. Эколого-экономические перемены в традиционном природопользовании алтай-кижи в постсоветский период // Проблемы региональной экологии. 2008. № 6. С. 140–144.
2. Выготский Л.С. Педагогическая психология. М.: Педагогика. 1991. 480 с.
3. Дьяконова В.П. Алтайцы: Материалы по этнографии теленгитов Горного Алтая. Горно-Алтайск: Юч-Сумер, 2001. 221 с.
4. Дьяконова В.П. Новое в быту тюркоязычных народов Тувы и Алтая // Историческая этнография: Традиции и современность. Л.: б/и, 1983. С. 25–31.
5. Кожемякин Е.А. Дискурс-анализ в современном социально-гуманитарном знании // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 3. С. 25–39.
6. Личность в социокультурном измерении: история и современность. М.: Индрик, 2007. 416 с.
7. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 430 с.
8. Мухина В.С. Личность в условиях этнического возрождения и столкновения цивилизаций: XXI век // Развитие личности. 2002. № 1. С. 16–39.
9. Нуркова В.В. Зеркало с памятью: Феномен фотографии: Культурно-исторический анализ. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. 287 с.
10. Обухов А.С. Построение исследования человека в контексте традиционной культуры: проблемы и методы работы в экспедиционных условиях // Исследователь/Researcher. 2013. № 3–4. С. 8–33.
11. Обухов А.С. Психология личности в контексте реалий традиционной культуры. М.: Прометей, 2005. 320 с.
12. Обухов А.С. Экспедиция «на край света» // Народное образование. 2004. № 3. С. 175–184.
13. Обухов А.С., Овчинникова Ю.С., Ткаченко Н.В. Человек в контексте традиционной культуры: метапозиция и диалог между исследователями разных

References

1. Bailagasov L.V., Manysheva T.V. Ekologo-ekonomicheskie peremeny v traditsionnom prirodopol'zovanii altai-kizhi v postsovetskii period [Environmental and economic changes in traditional natural resource use of Altai-kizhi during Post-Soviet period]. *Problemy regional'noi ekologii [Problems of regional ecology]*, 2008, no. 6, pp. 140–144. (In Russ.).
2. Vygotskii L.S. Pedagogicheskaya psikhologiya [Pedagogical psychology]. Moscow: Pedagogika. 1991. 480 p. (In Russ.).
3. D'yakonova V.P. Altaitsy: Materialy po etnografii telengitov Gornogo Altaya [Altaian: Materials on ethnography of Telengit of Gorny Altai]. Gorno-Altai: Yuch-Sumer, 2001. 221 p. (In Russ.).
4. D'yakonova V.P. Novee v bytu tyurkoyazychnykh narodov Tuvy i Altaya [New aspects in way of life of Turkic-speaking peoples of Tuva and Altai]. *Istoricheskaya etnografiya: Traditsii i sovremennost' [Historical ethnography: traditions and modernity]*. Leningrad: b/i, 1983, pp. 25–31. (In Russ.).
5. Kozhemyakin E.A. Diskurs-analiz v sovremennom sotsial'no-gumanitarnom znanii [Discourse analysis in modern social and human sciences]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie [Human. Community. Management]*, 2006, no. 3, pp. 25–39. (In Russ.).
6. Lichnost' v sotsiokul'turnom izmerenii: istoriya i sovremennost' [Personality in sociocultural dementio: history and modernity]. Moscow: Indrik, 2007. 416 p. (In Russ.).
7. Mead M. Kul'tura i mir detstva [Culture and world of childhood]. Moscow: Nauka, 1988. 430 p. (In Russ.).
8. Mikhina V.S. Lichnost' v usloviyakh etnicheskogo vozrozhdeniya i stolknoeniya tsivilizatsii: XXI vek [Personality in conditions of ethnic renainssance and clash of civilizations: XXI century]. *Razvitie lichnosti [Development of personality]*, 2002, no. 1, pp. 16–39. (In Russ.).
9. Nurkova V.V. Zerkalo s pamyat'yu: Fenomen fotografii: Kul'turno-istoricheskii analiz [A mirror with memory: Phenomenon of Photography: Cultural and historical analysis]. Moscow: Ros. gos. гуманит. ун-т, 2006. 287 p. (In Russ.).

- наук // Обсерватория культуры. 2019. № 4. С. 349–361. DOI:10.25281/2072-3156-2019-16-4-349-361
14. Обухов А.С., Пивоварова Е.П. Обрядовое сопровождение личности теленгитов Горного Алтая // Сибирский педагогический журнал. 2006. № 5. С. 161–168.
15. Обухов А.С., Ткаченко Н.В. Визуальные методы исследования обрядов: фиксация видимых социокультурных смыслов этнических культур // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы III Ежегодной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (10–11 мая 2018 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2018. С. 244–247.
16. Обухов А.С. Трансформация жизни теленгитов селения Язула // Традиционная культура. 2021. Том 22. № 1. С. 157–166. DOI:10.26158/TK.2021.22.1.013
17. Овчинникова Ю.С. Бытование музыкального фольклора теленгитов селения Язула в условиях транзитивности // Традиционная культура. 2021. Том 22. № 1. С. 39–52. DOI:10.26158/TK.2021.22.1.003
18. Ойноткинова Н.Р. Полевое исследование современного обрядового фольклора алтайцев // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2015. № 4. С. 213–222.
19. Попов В.В., Музыка О.А. Концептуальный подход к транзитивному обществу // Грамота. 2016. № 12(74): в 3 ч. Ч. 3. С. 128–130.
20. Посконная Ж.В. Традиционное мировоззрение алтайцев: культ огня и феномен жизни // Вестник КемГУКИ. 2016. Том 35. С. 49–58.
21. Рэдклифф-Браун А.Р. Структура и функция в примитивном обществе. Очерки и лекции. М.: Восточная литература, 2001. 304 с.
22. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Институт психологии РАН; Академический проект, 1999. 320 с.
23. Толстых А.В. Опыт конкретно-исторической психологии личности. СПб.: Алетейя, 2000. 288 с.
24. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002. 557 с.
25. Тюхтенева С.П. Теленгиты республики Алтай. Между двумя переписями населения // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 43–45.
26. Федотова М.Г. К вопросу о методологии исследования транзитивного общества // Теория и практика общественного развития. 2013. № 6. С. 28–32.
27. Халемба А. Теленгиты // Тюркские народы Сибири. М.: Наука, 2006. С. 512–532.
28. Чемчиева А.П. Современные демографические процессы в Республике Алтай: основные тенденции и особенности // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2014. Том 13. Вып. 3: Археология и этнография. С. 288–296.
29. Community // The Concise Oxford Dictionary of Sociology / Ed. by Gordon Marshall. NY., Oxford: Oxford University Press, 1996. P. 72–73.
30. Leach C.W. Group – level self-defenition and self investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification // Journal of Personality and Social Psychology. 2008. Vol. 95. P. 144–165.
31. Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 369 p.
10. Obukhov A.S. Postroenie issledovaniya cheloveka v kontekste traditsionnoi kul'tury: problem i metody raboty v ekspeditsionnykh usloviyakh [Organizing of the research of a man in the context of traditional culture: problems and methods of work in expeditionary conditions]. *Issledovatel'/Researcher*, 2013, no. 3–4, pp. 8–33. (In Russ.).
11. Obukhov A.S. Psikhologiya ichnosti v kontekste realii traditsionnoi kul'tury [Psychology of personality in the context of traditional culture]. Moscow: Prometei, 2005. 320 p. (In Russ.).
12. Obukhov A.S. Ekspeditsiya «nakrai sveta» [Expedition “at the ends of the earth”]. *Narodnoe obrazovanie [Popular education]*, 2004, no. 3, pp. 175–184. (In Russ.).
13. Obukhov A.S., Ovchinnikova Yu.S., Tkachenko N.V. Chelovek v kontekste traditsionnoi kul'tury: metapozitsiyai dialog mezhdu issledovatelyami raznykh nauk [Man in the Context of Traditional Culture: Metaposition and Dialogue between Researchers of Different Sciences]. *Observatoriya kul'tury [Observatory of Culture]*, 2019, no. 4, pp. 349–361. DOI:10.25281/2072-3156-2019-16-4-349-361 (In Russ.).
14. Obukhov A.S., Pivovarova E.P. Obryadovoe soprovozhdenie lichnosti telengitov Gornogo Altaya [Ritual support of a personality of Telengits of the Gorny Altai]. *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal [Siberian pedagogical journal]*, 2006, no. 5, pp. 161–168. (In Russ.).
15. Obukhov A.S., Tkachenko N.V. Vizual'nye metody issledovaniya obryadov: fiksatsiya vidimyykh sotsiokul'turnyykh smyslov etnicheskikh kul'tur [Visual methods of ritual research: fixation of observable sociocultural senses of ethnic cultures]. *Sotsial'naya psikhologiya: voprosy teorii i praktiki [Social psychology: problems of theory and practice]. Proceedings of the Third Annual science-to-practice conference in the memory of M.Yu. Kondrat'eva (10–11 May, 2018)*. Moscow: FGBOU VO MGPPU, 2018, pp. 244–247. (In Russ.).
16. Obukhov A.S. Transformatsiya zhizni telengitov seleniya Yazula [The transformation of the life of the Yazula village Telengits]. *Tradicionnaya kultura [Traditional culture]*, 2021. Vol. 22, no.1, pp. 157–166. DOI:10.26158/TK.2021.22.1.013 (In Russ.).
17. Ovchinnikova Yu.S. Bytovaniye muzikal'nogo fol'klora telengitov seleniya Yazula v usloviyakh tranzitivnosti [The life of Telengit musical folklore in Yazula village in conditions of transitivity]. *Tradicionnaya kultura [Traditional culture]*, 2021. Vol. 2, no. 1, pp. 39–52. DOI:10.26158/TK.2021.22.1.003 (In Russ.).
18. Oinotkinova N.R. Polevoe issledovanie sovremennogo obryadovogo fol'klora altaitsev [Field research of actual ritual folklore of Altaian]. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda [Russian Humanitarion Scientific Foundation Bulletin]*, 2015, no. 4, pp. 213–222. (In Russ.).
19. Popov V.V., Muzyka O.A. Kontseptual'nyi podkhod k tranzitivnomu obshchestvu [Conceptual approach to transitive society]. *Gramota*, 2016. Vol. 3, no. 12(74), pp. 128–130. (In Russ.).
20. Poskonnaya Zh.V. Traditsionnoe mirovozzrenie altaitsev: kul't ognya i fenomen zhizni [Traditional worlview of Altaian: cult of the fire and phenomenon of life]. *Vestnik KemGUKI [Kemerovsky State University of Culture and Art Bulletin]*, 2016. Vol. 35, pp. 49–58.
21. Redkliff-Braun A.R. Struktura i funktsiya v primitivnom obshchestve. Ocherki i lektzii [Structure and function in primitive society. Essays and lectures]. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001. 304 p. (In Russ.).
22. Stefanenko T.G. Etnopsikhologiya [Ethnopsychology]. Moscow: Institute of psychology of Ruassian Academy of Sciences; Akademicheskii projekt, 1999. 320 p. (In Russ.).

23. Tolstykh A.V. Opyt konkretno-istoricheskoi psikhologii lichnosti [Experience of concrete-historical psychology of personality]. Saint-Petersbourg: Aleteiya, 2000. 288 p. (In Russ.).
24. Toffler E. Shok budushchego [Future Shock]. Moscow: АСТ, 2002. 557 p. (In Russ.).
25. Tyukhteneva S.P. Telengity respubliki Altai. Mezhdvumya perepisyami naseleniya [Telengits of the Altai Republic. Between two population census]. *Gumanitarnye nauki v Sibiri [Human sciences in Siberia]*, 2011, no. 3, p. 43–45. (In Russ.).
26. Fedotova M.G. K voprosu o metodologii issledovaniya tranzitivnogo obshchestva [Towards a problem of research methodology of transitive society]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*, 2013, no. 6, pp. 28–32.
27. Khalemba A. Telengity [Telengit]. *Tyurkskie narody Sibiri [Turkic peoples of Siberia]*. Moscow: Nauka, 2006, pp. 512–532. (In Russ.).
28. Chemchieva A.P. Sovremennye demograficheskie protsessy v Respublike Altai: osnovnye tendentsii i osobennosti [Modern demographical processes in the Altai Republic: main tendencies and specifics]. *Vestn. Novosib. gos. un-ta. Seriya: Istoriya, filologiya [Novosibirsk State University Bulletin: History, Philology]*, 2014. Vol. 13, issue 3: Archeology and ethnography, pp. 288–296. (In Russ.).
29. Community. *The Concise Oxford Dictionary of Sociology*. Gordon Marshall (ed.). New York: Oxford: Oxford University Press, 1996, pp. 72–73.
30. Leach C.W. Group – level self-definition and self-investment: A hierarchical (multicomponent) model of in-group identification. *Journal of Personality and Social Psychology*, 2008. Vol. 95, pp. 144–165.
31. Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in social psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 1981. 369 p.

Информация об авторах

Алексей Сергеевич Обухов, кандидат психологических наук, доцент, ведущий эксперт Центра общего и дополнительного образования имени А.А. Пинского, Институт образования (ФГАОУ ВО «НИУ ВШЭ»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7215-3901>, e-mail: a.obukhov@redu.ru

Юлия Сергеевна Овчинникова, кандидат культурологии, доцент кафедры сравнительного изучения национальных литератур и культур факультета иностранных языков и регионоведения, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (ФГБОУ ВО «МГУ имени М.В. Ломоносова»), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4718-6415>, e-mail: julia.barkova@gmail.com

Наталья Владимировна Ткаченко, кандидат психологических наук, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования, Московский государственный психолого-педагогический университет (ФГБОУ ВО МГППУ), г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0315-8511>, e-mail: tkachenkonv@mgppu.ru

Information about the authors

Alexey S. Obukhov, PhD in Psychology, Senior Lecturer, Senior Researcher, Pinsky Center for General and Extracurricular Education, Institute of Education of the State University Higher School of Economics, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7215-3901>, e-mail: a.obukhov@redu.ru

Yulia S. Ovchinnikova, PhD in Culture Studies, Associate Professor, Department of Comparative Literature and Culture, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4718-6415>, e-mail: julia.barkova@gmail.com

Natalia V. Tkachenko, PhD in Psychology, Associate Professor, Department of Ethnopsychology and Psychological Problems of Polycultural Education, Faculty of social psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0315-8511>, e-mail: tkachenkonv@mgppu.ru

Получена 04.07.2020

Принята в печать 27.04.2022

Received 04.07.2020

Accepted 27.04.2022